

5.7.9. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ /
5.7.9. PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

Серия «Политология. Религиоведение»

2024. Т. 50. С. 125–141

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 111.1+94(44)"17/19"+ 94(470)"17/19"+ 81'27

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.125>

Хлеб как сакральное тело в истории Франции и России

А. В. Келлер, С. А. Азаренко*

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация*

Аннотация. Показано, как *хлеб* в виде социального актора и сакрального тела задает социальную онтологию. Интерпретирована история *хлеба*, выстраивающего вокруг себя свое сакральное, семантическое, политическое и культурное пространство. Новизна подхода заключается в плоской онтологии, где социальные человеческие и нечеловеческие акторы могут меняться местами, где они *со-положены* друг другу. *Хлеб* рассматривается как социально-топологическая конструкция, незримо, но вполне ощутимо присутствующая и участвующая в революционных событиях самым непосредственным образом, *хлеб* активно выступает в разгоравшемся противостоянии за социальную значимость и власть не только в виде хлебных бунтов, но и во время исторических событий на примере Французской революции 1789–1794 гг. и Русской революции 1917 г. Отмечается, что *хлеб*, будучи фундаментальным концептом языковой картины мира, задает отношения между людьми, участвует в создании и поддержании повседневных ритуалов в светской и религиозной жизни. Теоретически данный взгляд обосновывается с помощью методологии социальной топологии, сосуществующей в междисциплинарном пространстве с историей, социологией и религиоведением.

Ключевые слова: *хлеб* как социальный актор, *хлеб* как сакральное тело, евхаристия, крещение хлеба, социальная топология, топологема, телесные практики.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 24-28-00189 «Телесные практики повседневности: хлеб, вино и девиации в пограничных состояниях культур Нового времени» (междисциплинарное измерение).

Для цитирования: Келлер А. В., Азаренко С. А. *Хлеб как сакральное тело в истории Франции и России* // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024. Т. 50. С. 125–141. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.125>

Original article

Bread as a Sacred Body in the History of France and Russia

A. V. Keller, S. A. Azarenko*

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

© Келлер А. В., Азаренко С. А., 2024

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
For complete information about the authors, see the last page of the article.

Abstract. This article studies bread as a social actor that sets a new social ontology. The novelty and relevance of the topic makes it possible to take a new look at the history of bread, which builds its semantic, political, and cultural space around itself. Invisibly but quite tangibly, bread as a social and topological construction is present and directly participates in revolutionary events, taking an active part in the heated confrontation for social significance and power, not only in the form of bread riots, but also during the fateful historical events. In the revolutionary situation of a “perfect storm,” “bread” begins to transform everyday life into a new topology especially vividly. It is traced how being a fundamental concept of the linguistic picture of the world, bread sets the curve of manifested meanings in significant words. The authors demonstrate that bread is an actor included in the life chain of events, in topologemes of various configurations. Theoretically, this view is substantiated through the methodology of social topology, which coexists in an interdisciplinary space with history and philosophy. Due to the limited scope of the article, the outlined connotations between French and Russian history show the possibilities of a comparative approach in the search for similar typologies regardless of regional specifics. The aim of the analysis is not so much to find new sources or facts as to reconsider the already existing and well-known historical narrative. Its new interpretation can help reveal the fundamental bases of human existence, which are formed and fall into topologemes beyond the will and desire of a single individual. In the authors’ view, this will serve as a further step towards responding to a real challenge for humanity, the signs of which are that people are losing control over “things” in their belief that they consume things rather than the other way around.

Keywords: «bread» as a social actor, bread as a sacred body, eucharist, baptize bread, social topology, topologeme, bodily practices.

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No 24-28-00189: Bodily Practices of Everyday Life: Bread, Wine and Deviations in the Border Conditions of Cultures in the New Age (Interdisciplinary Dimension).

For citation: Keller A.V., Azarenko S.A. Bread as a Sacred Body in the History of France and Russia. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2024, vol. 50, pp. 125-141. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.125> (in Russian)

Введение

Актуальность исследования заключается в том, чтобы увидеть *хлеб* в рамках плоской онтологии для преодоления человекоцентричной перспективы, рассматривать *хлеб* исключительно с точки зрения конструктивного действия самого человека. Для этих целей источником знания социальная топология рассматривает не сознание, но все тело с его формами восприятия, действия и выражения. Как базовая функция человеческого *бытия-в-коммуникации* (С. Азаренко), коммуникация выстраивается из взаимодействия, опосредованного знаково-символическими комплексами [2]. Социальный мир работает с таким актором, как *хлеб*, как со сложно заданной социально-топологической конструкцией. Во взаимодействии участвуют человеческие и нечеловеческие тела [13, с. 23, 93, 103–111]. Человеческое существование в социальном мире социальных тел выражено понятием *телесности*, оказавшейся в центре философского осмысления.

Социальная топология определяется как система знаний, рассматривающая жизненный мир (*Lebenswelt*, Husserl) человека среди человеческих и нечеловеческих телесностей, внутри различных форм социальности и времени-пространства. *Топологемы* (С. Азаренко) как места социальности [см.: 1] заключают в себе специфическое время-пространство человека, вещей и институтов, например *хлеба*, *булочной*, *пекаря*. Это то время-пространство, собираемое людьми, где нет времени без пространства и пространства без вре-

мени, складываемого людьми и вещами в процессе коммуникации [см.: 2, с. 412–417; 3, с. 27–37; 4, с. 51–55].

Топология сообщества опосредована через систему фреймов (Бруно Латур). Но человек является продуктом истории и потому далеко выходит за пределы фреймов своих непосредственных отношений. И именно поэтому его отношения всегда опосредованы другими акторами из других мест и других времен. Другими словами, действия и взаимодействия, по Б. Латуру, происходят через систему фреймов – локальностей, которые ограничивают интеракцию, и сеть – глобальность, которая распределяет одновременность, близость и персональность взаимодействий. Процессы локализации и глобализации всегда опосредованы вещами. Невозможно представить себе отношения между людьми без опосредующей роли в них вещей, как невозможно представить конторку без разговорного устройства, поверхности стойки, двери, стен, стула. Именно они задают рамки взаимодействия. Как бы мы подводили дневной баланс, замечает Латур, без формуляров, расписок, счетов, гроссбухов и как можно не заметить прочность бумаги, долговечность чернил, гравировку монет, твердость скрепок [12, с. 175, 184]?

В основу анализа положено понятие расширенного тела хлеба [см. к понятию *extended bodies*: 29], в семантическом ряду которого находятся такие слова, как *булочник, пекарь, мука, зерно*. Отдельно стоят суррогаты хлеба в виде примесей (отруби, картофель, мел, молотая солома, сено, опилки, пырей, высушенные желуди, люцерна, крапива, кормовые травы) или более питательные добавки в виде овощей, гороха, бобов, кукурузы, овса или манной муки [28; 30]. Хлеб принято понимать как пищевой продукт, но мы рассматриваем хлеб как такой же социальный актор, задающий социальную онтологию, поскольку именно он приводит сообщество в движение, превращаясь в топологическую структуру. Хлеб как *со-положенный* с человеческим актором «объект и вносит множественность, точнее, вещь, “сборку”» [13, с. 202].

Мир вещей и мир людей сосуществуют во фреймах и в сети, взаимопроникая и взаимодействуя в каждый момент времени и в каждой точке пространства. У мира вещей свой язык, свои формы *бытия-в-коммуникации*, свои способы формирования времени-пространства. Понять язык вещей и их память – значит сложить еще один пазл в понимании мира, вселенной, бытия. История Колобка, который катится по миру, – это первобытное состояние хлеба, человека гомункулуса, топологический архетип, упакованный в мифологему, былинку, сказку, информацию. Хлеб как архетипное тело рождает сакральность, сначала упакованную в круглую форму каравая, а потом в кирпичик, оно не катится, но, не двигаясь, оно двигает мир, что мы покажем на примере Франции и России. За этой трансформацией хлеба стоят трансформации тела человека. Периодически происходит рассеяние сакральности хлеба и его тела с помощью суррогатов в прошлом и пищевых добавок, ароматизаторов, загустителей и прочего сегодня. Рассеяние вскрывает возможности другого порядка, дающие жизнь «другим» колобкам, несущим, формируемым иным наполнением, смыслами. Там, где конец и начало всему. Получается не просто история, но сложное сакральное или физиологическое событие, где возможна как смерть сакрального, так и физическая смерть – начало иному состоянию,

рождение иного, переход в другое. Таким образом, *хлеб* является сквозной топологемой человеческого существования, стержнем в разных перерождениях.

Применение данной методологии, по мнению авторов, может помочь раскрыть новые потенциалы в традиционном историческом нарративе, поскольку расширение последнего, даже с помощью плотного описания и привлечения новых документов, может не давать ожидаемого приращения смысла, необходимого для актуального понимания истории и самих себя в ней. Поэтому в статье не приводятся новые документы или факты, но переосмысливаются хорошо известные.

Предыстория хлеба (история Колобка как символа хлеба)

Мы исходим из того, что в нашей жизни имеет место схема человеческого бытия, начало в которой – отношения индивидов, и прежде всего мужчин и женщин. Эта связь способствует появлению дома, посредством которого формируются практики освоения и присвоения мира, затем создаются города, регионы и государства.

В результате мы имеем дело со следующей схемой социального бытия человека: индивиды – дома – институции (практики) – города – государства – страны (С. Азаренко). Это преобразованная схема современного философа М. Деланды, в которую С. А. Азаренко добавил такие важные, с его точки зрения, составляющие, как «дом» и «страна» [5, с. 67]. В известной сказке «Колобок» мы встречаемся с разворачиванием последней составляющей. Колобок – символ вновь созданного человечка.

Старуха создает его из муки, из измельченного семени. Семя – символ мужской структуры. Чтобы что-то из него произвести, требуется печь. Печь – символ женской утробы. Колобок – кусок теста – символ того, что из него человек как незаданная структура может принимать разные формы. Соединение мужского начала (семени) с женским началом (с женской утробой) олицетворяет порождение человеческой формирующейся сущности.

Созидание человека происходит в доме, в таком существенном звене социального бытия. Колобка ставят на окно, а он сбегает. Из дома во двор, со двора за ворота и далее. Будучи производным от времени-пространства культуры, он совершает акт освоения и присвоения природного, сталкиваясь с различными силами мира. Отметим, что первым делом он попадает в лес. Лес, по Аристотелю, – первоматерия, энергия мира, мать-материя: «Колобок, не скрывая своего восхищения, любителю расстилающейся перед ним землей. Любование исходит от путешествующего Колобка, само прозвище которого связано и с образом хлеба, и с образом земли, по которой он “катится”» [ср.: 23, с. 57, 65].

Недаром у великого мыслителя лес служит для обозначения материи. В лесу Колобок совершает преобразование себя в инициации, встречаясь с силами Другого (зайца, волка, медведя). Окружная структура Колобка показывает, как легко и проворно он ускользает от сил, встречающихся у него на пути. Инициация – важный этап во взрослении молодца, который характеризуется обретением навыков обхождения с различными силами природы, чтобы быть готовым для жизни в обществе.

В конце концов Колобок встречается со стержневой силой мира для себя – силой хитрости, причем в женском облики, с лисой. Лиса съедает Колобка. Рано или поздно мужская сущность встречается с женской. И здесь ситуация может обернуться для мужчин двояко: в случае с Колобком он оказывается поглощенным женской силой. Между тем в другой русской сказке об Иване-дураке мы сталкиваемся с положительным результатом встречи с женской сущностью. Иван-дурак также попадает в лес как сакральное пространство, где научается ладить с силами мира, и затем встречает в преображенной лягушке свою возлюбленную жену.

Для многих народов мира *колобок*, *хлеб* как представитель древнейшей культуры возделывания злаков, стал причиной смены хозяйственно-культурных типов, положивших начало оседлости (в доме) и возникновению древних религий и цивилизаций. В этом смысле хлеб является архетипическим явлением и важнейшей составляющей в культурах России и Франции [см.: 10; 27]. Хлеб в языческой и христианской традиции рассматривался как сакральный продукт. Концепт «хлеб: это и сакральный, священный продукт, символизирующий жизнь, и средства к земному существованию» [10, с. 88; см.: 27, р. 11, 12]. Слово «жито» (от глагола «жить») употреблялось на Руси в значении «хлеб» [7, с. 136].

В книге Э. Ле Руа Ладюри об окситанской деревне Монтайю (1294–1324) содержится множество фактов об истории хлеба Южной Франции, указывающей на его сакрализацию и как на один из жизнеполагающих факторов. Ладюри приводит примеры клятвы на хлебе и вине, видимо символизировавших евхаристическое тело и кровь Христа, подобно клятве на Библии. Воспитание юного пастуха Пьера Мори было воспринято некогда «вместе с родительским хлебом насущным», оно дало ему «сложное понимание телесной связи с хлебом, из которого сложилось его тело, а через хлеб – с землей-кормилицей». «Душа человека, она из хлеба», – говорит крестьянский материалист с верховьев Аръежи. «Коли замесили, так надо и печь», – заявляет товарищ Пьера Мори, аргументируя таким образом необходимость совместного проживания дочери и матери Бефай [14, с. 65, 158–159, 313]. Обращение с хлебом обретало в определенных ситуациях сакральный смысл, выражавшийся в сакральных жестах его перекусывания, практикуемый в Монтайю, хотя и не повсеместно. Множество французских крестьян делает это и сегодня, «расписывая» кончиком ножа каравай, прежде чем приступить к еде. Другой пример катара Белибаста, практиковавшего «круговой жест над хлебом своего стола вместо традиционного знака креста». «Душа – это хлеб», – полагает часть крестьян Окситании [14, с. 168, 169, 422, 483].

П. А. Флоренский, описывая место хлеба в религиозной повседневности храма, обращается к церковным обрядам и Таинству евхаристии. Это священнодействие не ограничивается стенами храма, где освящение, направленное «на пищу и питье», осуществляется с пшеничным хлебом и виноградным вином, но переносится в крестьянскую избу: «Режется хлеб после предварительного начертания на нем креста: старший в доме, т. е. жрец “домашней церкви”, лезвием ножа царапает на верхней корке каравай изобра-

жение креста, прежде чем почать его, и разрезывание хлеба совершает как некий священный обряд» [26, с. 263, 274]. Д. Н. Мамин-Сибиряк, обращаясь к образам стихий, не случайно выбирает для одного из своих романов название «Хлеб», ставший главным актором драматических событий 1891–1892 гг. – массового голода в губерниях Центрального района, Поволжья и Зауралья, входившего в Приуралье и включавшего сельскохозяйственные районы Пермской губернии. «Хлеб – всему голова. <...> В русской народной культуре хлеб – своего рода символ жизни и ее продолжения. В образе хлеба при этом как бы сливаются три стихии... водная, земная и огненная. <...> Хлебная монополия разорят край, перевод хлеба на водку и недород из-за засухи приводят к тому, что земля отказывается от человека» [23, с. 55, 58].

Центральное место в русской избе занимает печь, в которой рождается хлеб. Немецкое *das Abendbrot* – это и ужин, и Тайная вечеря. У датчан вся еда (перекусы) – на хлебе. Конструкт хлеба собирает вокруг себя повседневность, то, что оказывается на пиру, в застолье, за трапезой, завтраком, обедом, ужином. В обеих революциях – Французской и Русской – множество разных политических причин и разные исторические условия, но есть и объединяющие параллели, схожая типология событий, основанная на хлебе. Хлеб является тем триггером, который в обоих случаях поднимает людей к протесту, на протяжении всего времени остается одним из главных социальных акторов, собирающих вокруг себя пространство-время [12].

После смерти Людовика XV в 1774 г. и вступления на престол Людовика XVI низшие слаты населения, терпевшие нужду и бесправие, начали восставать, надеясь на перемены к лучшему. Король, испытывавший, по словам Андре Моруа, «постоянное желание творить добро» и имевший «два пристрастия: охот[у] и слесарное ремесло... принадлежал к человеколюбивой и набожной “школе” Бурбонов» [17, с. 303–305]. И. В. Гете писал о нем, что новый король Франции желал всем добра, высказывая «лучшие намерения... править только ради порядка и справедливости» [17, с. 306]. Благие намерения короля, его слабость и непоследовательность привели к противоположному результату – широкие слои населения были против генерал-контролера (министра) финансов А. Р. Ж. Тюрго, поскольку тот хотел отменить привилегии и ввести свободную хлебную торговлю, что грозило ростом спекуляции. К этому добавлялось распространение корыстными хлеботорговцами слухов о том, что «свобода в торговле хлебом несет [крестьянам] нищету. [Их] умелая пропаганда внушала, что эта мучная война была новым пактом голода» [17, с. 306].

Революции 1789 г. предшествовали несколько лет хлебных бунтов, ставших результатом кризиса хлебных поставок, особенно в деревнях парижского региона, имевших традиционно высокую зависимость от снабжения зерновыми уже с XIV в. [14, с. 21; 16, с. 141–143]. Л. А. Сен-Жюст предостерегал от неконтролируемой эмиссии денег и связанными с ней инфляцией и ростом цен. По его словам, за тридцать лет цена хлеба за фунт выросла с 1 су до 2,5 су в 1787 г. [22, с. 16–22]. Положение усугублялось множеством ограничений: крестьяне не имели права торговать мукой, зерном или

хлебом, а также печь хлеб в своих домах, они должны были относить муку для выпечки к состоятельным соседям [20, с. 52]. Временное падение цен в 1778–1787 гг., а затем их резкий рост 1787–1790 гг. вызвали социальное недовольство в среде крестьянства и ремесленников, которые составляли большинство сельского и городского населения и были основными стихийными элементами революции [16, с. 141–143].

Между 1775 и 1777 гг. вспыхнул целый ряд голодных бунтов, спровоцированных неурожаем 1774 г., – хлеба не хватало. Бунты начались в апреле 1775 г. В Дижоне народ разгромил дома скупщиков-хлеботорговцев, уничтожил их мельницы, на что комендант города Тэн произнес в обращении к бунтовщикам роковые слова, не раз повторявшиеся впоследствии представителями власти и влиятельными господами: «Трава уже выросла – ступайте, ешьте ее!» [11, с. 22]. Принятые премьер-министром Жаком Неккером меры в 1788 г. (запрет вывоза зерна и закупка хлеба за границей) не могли компенсировать плохой урожай и рост цен. «Толпа скопляется у хлебных амбаров и крупных складов и требует, чтобы их открыли. Она останавливает перевозку хлеба, расхищает его, самовольно назначает цену на него» [15, т. 1, с. 51]. Сен-Жюст говорил позже об этом времени: «Нищета и тяготы 1788 года всколыхнули народные чувства». Тогда на Францию обрушилось несколько стихийных бедствий: «над хлебными районами Пикардии 13 июля пронеслась сильная буря с градом, а суровая зима привела во многих районах к гибели садов и виноградников» [22, с. 183]. Показательно, что вопрос о хлебе затрагивает не только все социальные страты Франции, но и приезжих из России. В центре внимания члена якобинского клуба П. А. Строганова, проходившего курс естественных и точных наук в Париже в 1788–1789 гг., находится, наряду с политическими событиями, вопрос о хлебе [25, с. 240, 243]. Почти в каждом письме он затрагивает тему продовольственного обеспечения населения. 9 сентября 1789 г. он сообщал: «Здесь жатва хотя и была хороша, однако же весьма трудно достать хлеба». 23 сентября и 11 ноября два раза встречается запись: «Хлеб не редок». Здесь и в последующих письмах Павла Строганова прослеживается прямая взаимосвязь между «перспектив[ой] гражданского умиротворения» и вопросом о хлебе [26, с. 256, 257].

Летом 1789 г. хлебные бунты не прекращались, они сопровождалась радикализацией протестов. Отсутствие хлеба гнало голодных людей на улицу. Всю ночь с 11 на 12 июля был слышен набат, зовущий вооруженных пиками и дубинами грабить дома врагов народа и спекулянтов: они стучались «в двери богатых, прося хлеба и оружия». 13-го числа восставшие направились к средоточию святости, монастырю Сен-Лазар, туда, где есть хлеб, и осадили его с криками: «Хлеба, хлеба!». 52 повозки с зерном не грабят, но везут на площадь у парижской ратуши, где находится центральный рынок, «чтобы досталось всем» [11, с. 59]. Кульминацией событий становится взятие Бастилии 14 июля 1789 г.

Революционные события в Париже и его пригородах начались с требования хлеба. Гнев протестующих был направлен прежде всего против спекулянтов. После взятия Бастилии 14 июля 1789 г. на улицах Парижа происходят расправы уже с представителями непопулярной коронной администра-

ции. 22 июля задержан и доставлен в ратушу государственный советник Ж. Ф. Фулон, которому приписываются слова «если бы я был министром, я заставил бы французов есть сено» [29, с. 79]. По другой версии он произнес еще более грубо: «Пусть народ жрет траву!» [9, с. 115]¹. Министра, укрывшегося в пригороде столицы, схватили крестьяне из Витри и повели на веревке в мэрию Парижа на суд, привязав ему на спину символическую охапку травы, которую он предлагал есть голодающим. До суда дело не дошло: в ратушу ворвалась беснующаяся толпа и вытащила его наружу. «Труп Фулона сначала волокли по улицам, затем разорвали на части, а голову Фулона, надетую на пику, с пучком сена во рту, допоздна носили по городу» [20, с. 79]. На своем пути толпа встретила зятя Фулона, интенданта Парижа и провинции Иль де Франс, аристократа Бертье де Совиньи, которого вели под конвоем в тюрьму. Он был вырван из рук конвоиров, пока он был жив, ему тыкали в лицо пику с головой тестя, бросая «в него куски черствого черного хлеба, крича: „Вот тот хлеб, который ты заставлял нас есть!“» [9, с. 133, 134]. Оскверненное сакральное тело *хлеба* жестоко мстило за себя: отрубленную голову Бертье еще долго носили на пике по городу [20, с. 79].

Волнения рабочих и безработных вновь усилились в сентябре 1789 г., что было вызвано требованиями снижения цен прежде всего на хлеб. В парижской ратуше толпились многочисленные делегации, в том числе от женщин: торговки с парижских рынков, жен рабочих и ремесленников, работниц. Женщины особенно страдали от долгого стояния в хлебных очередях, в которых родилась идея похода на Версаль, чтобы привезти короля, а с ним и королеву с наследным принцем в Париж. Вера в доброго короля вселяла в них надежду, что с ним появятся хлеб и изобилие. Выкрики в очередях «Пойдем, добудем булочника, булочницу и маленького поваренка!» [20, с. 92, 96, 669]² стали девизом страждущих хлеба. Так был совершен один из крупных политических актов эпохи, поставивший и короля, и Учредительное собрание под контроль революционного народа [20, с. 92].

5 октября 1789 г. состоялся поход на Версаль. Разгневанные женщины, отстоявшие в который раз целую ночь в очередях за хлебом, шли с громкими требованиями «Хлеба! Хлеба!». К ним прибавлялись возмущенные крики «Черные кокарды!», адресованные двадцати тысячам фламандских и швейцарских наемников короля [9, с. 166, 167]³. Ситуация усугублялась культурным конфликтом. Если в Германии с древних времен были популярны сорта хлеба из ржаной и ржано-пшеничной муки, что было обусловлено более неблагоприятным климатом, во Франции сорта черного и серого хлеба рас-

¹ Обращение к книге британского писателя Томаса Карлейля не было вызвано приверженностью к его «цветастому» литературному стилю изложения, достойному бульварных романов. Важно иное – взгляд художника, высвечивающий с помощью приема гиперболизации отдельные события повседневности, важные для эпистемологии данного исследования.

² В более раннем издании автора вместо «поваренка» присутствует другой перевод – «пекаренка», совпадающий с изданием Т. Карлейля в русском переводе [19, с. 83, 85]. Традиционно выражение *le boulanger, la boulangere et le petit mitron!* переводится как «булочник, булочница и маленький пекаренок», причем *le mitron* может быть переведено и как *подмастерье* булочника, и как его *ученик*. В контексте данной статьи оба перевода не вступают в семантический конфликт с *хлебом*, так как *поваренок* также входит в расширенное тело *хлеба*.

³ 26 июня 1789 г. Людовик XVI отдал приказ о размещении в Париже и его окрестностях наемных солдат.

смаatrивались как пища бедняков. Наемники охотно употребляли черный ржаной хлеб, восставшие требовали белого пшеничного, который могли себе позволить лишь состоятельные дворяне и буржуа.

На следующий день, 6 октября, в Париж из Версаля с плясками и песнями направилась процессия с королевской семьей. И здесь хлеб был «всему голова», поскольку в начале колонны ехали 50 повозок с зерном, выданные из запасов Версаля в залог мира. За ними следовали «мужчины и женщины с пиками... приплясывающие от восторга... с хлебами на штыках и букетами в стволах ружей»⁴. Особенно много женщин в трехцветном тряпье («вакханок») собралось вокруг королевской кареты. Шедшие указывали одной рукой на королевскую карету, а другой – на повозки с продовольствием и вопили: «Смелее, друзья! Мы больше не нуждаемся в хлебе, мы возем вам булочника, булочницу и пекаренка» [9, с. 181, 182]. Но иллюзии улетучились очень скоро.

В год неурожая (1789 г.) премьер-министр Ж. Неккер ввел жесткую монополию на торговлю хлебом, чтобы заняться его вывозом из страны для пополнения казны, в результате чего вновь разразился голод. Устойчивая ассоциация *хлеба* и *свободы* стали принципом движения любого протеста. По словам Сен-Жюста: «...вывоз похищал у ремесленника его сладостный достаток... у народа отняли его хлеб; из-за голода и недоброкачественной пищи Париж и провинции захлестнули эпидемии и преступления... возмущенный народ поднимается и завоевывает свободу» [22, с. 238]. Французское правительство оказалось в патовой ситуации: монополия, как и свобода хлебной торговли, вели или к его нехватке, или к росту цен, в результате чего восстановление 29 августа 1789 г. свободы хлебной торговли на внутреннем рынке с сохранением запрета на его вывоз за границу не спасло Францию от социального взрыва. Достаточно было малейшего предлога, и он был найден. Маркиз Жильбер де Лафайет спровоцировал «нападение на несчастного булочника» Дени Франсуа, закончившееся его гибелью. В тот же день, 21 октября, когда «голодный народ напал на булочные и провиантские склады», Учредительное собрание приняло закон, вводивший военное положение [21, т. 2, с. 284, 388]. Л. А. Сен-Жюст лаконично охарактеризовал причины событий лета и осени 1789 г.: «Голод взбунтовал народ» [22, с. 185].

Вожди революции о хлебе

Примеры из трактатов и речей одних из самых известных деятелей Французской революции Максимилиана Робеспьера и Луи Антуана Сен-Жюста наглядно показывают центральную роль хлеба в событиях, происходивших в 1789–1794 гг. Смерть булочника Франсуа оказалась высоко резонансной и использовалась всеми партиями, с одной стороны, чтобы оправдать насилие по отношению к бунтовщикам и ввести военное положение 21 октября 1789 г., с другой – чтобы оправдать насилие по отношению к королевской семье и ее сторонникам. 23 июня 1792 г. Робеспьер требовал от-

⁴ В большинстве русских семей до сих пор сохранился противоположный уважительный обычай: в хлеб нельзя вонзить нож.

ставки генерала армии Лафайета, мотивируя это именно убийством булочника [21, т. 1, с. 303]. 20 июля в адресе «О праздновании Дня федерации в 1792 г.», составленном Робеспьером, также тематизировалось распоряжение «повесить булочника, чтобы спровоцировать издание кровожадного закона» [21, т. 1, с. 331].

Поводом для резкой реакции Робеспьера в Национальном конвенте в марте 1793 г. стала попытка одного из его членов «убедить пощадить голову Людовика, [так как его] смерть повлекла бы за собою великие бедствия» [21, т. 2, с. 255]. В это время среди жителей Парижа возник ажиотаж, подогреваемый скупкой хлеба из-за боязни его подорожания и распущенными слухами о его нехватке. Из-за панического страха, что Париж останется без муки, «у булочников исчез хлеб», что имело под собой объективные основания вследствие долгосрочной проблемы удорожания продовольственных цен и грасирующей нищеты среди населения [21, т. 2, с. 255, 256]. Руководствуясь желанием найти виновных и врагов революции, Робеспьер осудил в своей речи 4 сентября 1793 г. «О продовольственном положении» «недоброжелателей и подлецов», присоединяющихся «к группам, стоящим у дверей булочных» и возбуждающих «их вероломными разговорами»: «Они вызывают тревогу у народа, убеждая его, что продовольствия не будет хватать» [21, т. 2, с. 47]. В докладе Конвенту 25 декабря 1793 г. Робеспьер конкретизировал свои обвинения в адрес иностранцев, поскольку предположил, что их желанию народ получал хлеб или был лишен его: «По их сигналу толпы народа собирались у дверей булочных или рассеивались» [21, т. 2, с. 96].

В речах Л. А. Сен-Жюста слова о «хлебе насущном» встречались значительно чаще, видимо, еще и потому, что в его родословной по материнской линии присутствовал прадед-булочник [24, с. 392]. Сен-Жюст призывал Национальный конвент «...(не) ставить на карту интересы дня и прежде всего нуждающееся в защите право человеческое – право на жизнь: “Le pain est le droit du peuple” (букв. “Хлеб – это право народа”))» [8, с. 364–366]. Основным правом человека было названо право на жизнь, а значит, на хлеб, поскольку хлеб – это жизнь. В феврале 1793 г. делегаты секций Парижа красноречиво убеждали законодателей, приводя главный аргумент в ходе дебатов: «Мало еще провозгласить, что мы – Французская Республика. Нужно, чтобы народ был счастлив; нужно, чтобы у него был хлеб, ибо там, где нет хлеба, нет и законов, нет свободы, нет Республики!» [8, с. 368]. В своем докладе 13 марта 1794 г. Национальному конвенту «О заговоре... чтобы уморить Париж голодом» Сен-Жюст, говоря о благосостоятельных гражданах, жалующихся на тяжелые времена, ссылается на людей более скромного достатка, сетующих на тяжелую жизнь гораздо меньше: «В департаментах Верхняя Вьенна и Коррез всегда питались каштанами, в департаменте Пюи-де-Дом едят хлеб и тушеные овощи; таков старинный обычай в этих местностях, славящихся добрыми нравами» [22, с. 128].

Свобода и хлеб очень часто упоминались и ассоциировались вместе. Миллионы французов выступили не против экспансии рыночных отношений самих по себе, тем более, что против свободы хлебной торговли выступали в

основном крупные фермерские хозяйства, монополизировавшие ее и работавшие на рынок. Сен-Жюст ставил свободу в прямую зависимость от хлеба: «Хлеб, получаемый от богача, горек, он угрожает утратой свободы» (10 октября 1793 г.) [22, с. 96]. Но непреодолимая диалектика хлеба не допускала его простой инструментализации, будь то хлебная монополия, свобода торговли или свобода бедняка. В какую сторону качнется маятник, решало в конечном итоге выкристаллизовавшееся противостояние двух политических лагерей: дворянства и буржуазии, имевших привилегированный доступ к белому хлебу, против испытывавших нужду в черном хлебе ремесленников и крестьян. Шоковая терапия и фетиш свободного рынка изменили жизнь многих миллионов французов в худшую сторону, приведя к социальному взрыву. В городе ремесленники и низшие социальные слои остались без средств к существованию, крестьянская деревня страдала от недостатка и распродажи пахотных земель – главного богатства страны [8, с. 370]. Двигателями революции оказались слои населения, особенно сильно пострадавшие от кризиса плохо отрегулированной рыночной экономики и нехватки хлеба. Безработица, падение доходов, разорение мелких производителей, инфляция и обесценение ассигнатов – все эти последствия кризиса сводились в конечном итоге к отсутствию и дороговизне хлеба, особо важного продукта в народном рационе, служившего главным показателем здоровья экономики. «Парализация хлебного рынка быстро перерастала в развал рынка всех предметов первой необходимости» [22, с. 371].

Хлеб как суррогат и актер революции

Хлеб – это *со-бытие*, которым живет повседневность, пищевая жизненная метафора, противопоставленная суррогатам из хлеба. Бедные семьи могли позволить себе лишь суррогатный хлеб, в который подмешивали сено, мел, траву и пр. Но в какой-то момент отчаяния самое суррогатное и ничтожное превращается в сакральное. Сакрализация суррогатности приводит к подмене верха низом, торжеству низменного над возвышенным. Ассоциация гипсового хлеба с гипсовыми фигурками чуть не стоила юной мастерице гипсовых статуэток Луизе Шабри жизни. Делегацией из пяти женщин ей было поручено обратиться к королю как самой юной и хорошо воспитанной. Но стоявших под окнами Версальского дворца женщин, промокнувших от дождя, не удовлетворил ответ возвратившихся парламентаров, заявивших, что «хлеб будет так же доступен, как воздух; мельники должны молотить, сколько выдержат их жернова». Почувствовав себя обманутыми, женщины воскликнули: «Ты, бесстыжая девка... У тебя нет дома голодных детей, только гипсовые куколки, которые не плачут! Предательница! На фонарь!» От верной гибели Луизу спасли два лейб-гвардейца, разогнавших толпу [9, с. 169].

В 1791 г. «в столице [все также] не хватало хлеба. У дверей булочных вступали в драку, чтобы добыть его» [15, т. 1, с. 91]. В хлебных очередях раздавались жалобы, «что продукты испорчены и дурно действуют на желудок: “Это не мука, а гипс!”» [9, с. 150]. Явленное противостояние хлеба и свободы их суррогатам становится особенно явственным при сравнении гип-

совых памятников (статуй из алебаstra) и гипсового хлеба. Жители Парижа с подозрением следят за зерновой баржей «из Корбеля, с грузом то ли муки, то ли гипса». После бегства короля в ночь с 20 на 21 июня в Варенн «уничтожены все [его] гипсовые изображения и статуи». После смерти Марата «каменщики с Лаго-ди-Комо изведут горы гипса на некрасивые бюсты»; «на развалинах Бастилии сооружена статуя Природы, колоссальная... (она просто из гипса)». На площади Революции, «где некогда красовалась статуя деспота Людовика XV», установлена «статуя Свободы! Она тоже из гипса»; в другом месте возвышается «огромное изваяние, целая гора гипса: Народ-Геркулес с поднятой всепобеждающей палицей» [9, с. 159, 160, 281, 282, 462, 468, 469, 502].

Рано или поздно кирпичик хлеба должен был взорваться на миллионы кусочков, отозвавшись в желудке каждого изможденного голодом человека спазмами и режью, как будто призывая его «идти резать» мнимых или истинных виновников всех бед: сеньора, аристократов, церковнослужителей, чиновников коронной администрации, самого короля. Того мизерного процента населения, являвшегося бенефициаром идеи общего блага, понимаемого еще, как правило, узкосословно. И хотя в европейском интеллектуальном пространстве идеи и понятия общего блага давно уже стали общим местом, присутствующим во многих декларациях о намерениях властей, до его осуществления было еще очень далеко, и не кто иной, как *хлеб*, должен был осуществить эту «революцию голодных желудков». Но порой *хлеб* оборачивался и против своих благодетелей и союзников – булочников, которых разъяренная толпа убивала.

Кирпичик хлеба раскалывается во времени-пространстве, продолжая циркулировать в роли плюшки, сухаря, кусочка гипсового хлеба, обнаруживая множественность, телесную и духовную воплощенность в «хлебе суррогатном» и «хлебе преломленном», которые рожают дополнительные смыслы. Смысловая структура *хлеба* способствует взрыву, изменению, расширению времени-пространства бытия. Превалирование духовного начала опрощается, разрушается через врывающийся суррогат, уничтожающий смыслы человеческого существования. Эта разность полюсов ведет к взрыву, размножению, множественности проявлений сакрального тела *хлеба*: опустошенное и расщепленное, оно становится оскверненным телом. Опустошение сакрального тела показывает всю его бессмысленность, которую не может больше скрыть инсценированная постановка торжественного переезда королевской семьи из Версаля в Париж.

Встречаются два тела – тело человека и тело *хлеба*. Тело человека наполняется телом *хлеба*, сакральным, оскверненным, опустошенным, определяющим и создающим сознание человеческого тела. От этого зависит, насколько это тело начинает освящать тело человека, меняя его жизненную энергию на высокое и низкое, жизнь и смерть. Опустошение тела *хлеба* происходит при смешивании хлеба с суррогатами, рождая соответствующую реакцию самих носителей этого процесса.

В повседневности духовное и материальное сглажено, во взрыве рождается множественность, где сакральное тело трансформируется в возмущенных революционных женщин Парижа 1789 г. и Петрограда в феврале 1917 г. Женское тело, которое повседневность стремится снова закабалить, обрело иную динамику, превратившись в раскованные, освобожденные тела. Свобода поведения – это то, что оголяет женщину. Возникает образ Марианны с обнаженной грудью (символ Французской революции). Маскулинность на какой-то момент отступает, уступая женщине место в истории. Динамика оголения, высвобождения женского тела выражается в свободной любви, отмене брака и жизни в коммунах.

С февраля 1917 г. формирование новых социальных отношений проходит под лозунгом «Земля, Мир, Хлеб, Свобода!» [6]. Хлебный кризис, начавшийся в октябре 1916 г., обострился в феврале 1917 г., превратившись в голодный бунт. Объяснения официальных лиц (министра земледелия А. А. Риттиха, командующего Петроградским военным округом генерала С. С. Хабалова, петроградского градоначальника А. П. Балка) носили дежурный характер: 23 февраля 1917 г. «хлеба было достаточно...». Глубоко симптоматично, что господа в своих кабинетах или за ужином в ресторане отеля «Астория» потеряли связь с реальностью. По инерции власти они «не знают», что происходит в рабочих кварталах города, «не видят» тысячных очередей за хлебом на Невском проспекте, Николай II «бежит» в литерном поезде на фронт от назойливого М. В. Родзянко и от проблем коллапсирующей экономики. «При отсутствии карточной системы продовольствие распределялось крайне неравномерно, и значительной части стоявших в очередях людей хлеба не хватало. <...> Нехватка хлеба породила продовольственную панику. <...> 23 февраля начался бунт стоявших в хлебных очередях женщин, 24-го вспыхнула всеобщая забастовка – началась Февральская революция» [18, с. 636].

Заключение

Оценивая революционную событийность Нового времени, почти все революции можно назвать «революциями голодных желудков», где хлеб выступал в роли главного социального актора, складывавшего свою логику событий и раскладывавшего свое время-пространство. Противостояние культур вылилось в военное столкновение французской национальной гвардии с фламандскими и швейцарскими наемниками, говорившими на немецких диалектах и употреблявшими в пищу ржаной хлеб. Социальное неравенство привело к протестному взрыву среди низших и средних слоев населения, «потребителей травы» и «гипсового» хлеба, против элит, питавшихся белым хлебом. Бессилие власти в решении проблем со снабжением французской и российской столиц хлебом в разные исторические эпохи в критические моменты их истории привели к экономическому коллапсу. Супериоритет королевской власти во Франции и вера технократических элит Петрограда в прогресс создавали иллюзию незыблемости политического порядка. Казалось, *волшебные вещи* начала XX в. (электричество, трамвай, телефон, телеграф,

патефон, автомобили и поезда, несущиеся со скоростью 200 км/ч), блага цивилизации не допустят возвращения в «варварство»... Грабили не только арсенал, но и булочные: хлеб вооружал восставших и гнал их на баррикады.

Очереди у булочных становились местами схлопывания традиционной реальности, на замену которой приходила реальность иного порядка, перевернувшая жизнь всего общества. В конце XIX в. с механизацией труда на хлебопекарных производствах и появлением массового изготовления белый хлеб стал достоянием всего населения. Сегодня, как и 150 лет назад, завтрак в Париже немислим без свежего багета или душистой булочки, как, впрочем, и в Санкт-Петербурге.

Показано, что *хлеб* как сакральное тело – это актер, включенный в жизненную цепь событий, в топологемы различных конфигураций, что обосновано теоретически с помощью методологии социальной топологии, сосуществующей в междисциплинарном пространстве с историей, философией и религией. Ввиду ограниченного объема статьи пунктирно намечены коннотации между историей Франции и России, показывающие возможности компаративного подхода в поиске схожих типологий вне зависимости от региональной специфики. Анализ обширного материала оказался возможным не столько за счет новых источников и фактологии, сколько с помощью переосмысления уже существующего и хорошо известного исторического нарратива. Новое прочтение помогло выявить фундаментальные основы человеческого бытия, складывающиеся и раскладывающиеся помимо воли и желания отдельно взятого человека топологемы.

Список литературы

1. *Азаренко С. А.* Топология культурного воспроизводства (на материале русской культуры). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 220 с.
2. *Азаренко С. А.* Топологическое философствование и социальная коммуникация // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 412–417.
3. *Азаренко С. А.* Социальное воспроизводство и топология предела // Известия Уральского федерального университета. Серия 3, Общественные науки. 2018. Т. 13, № 3 (179). С. 27–37.
4. *Азаренко С. А.* К вопросу о языке воспроизводства инженерного мышления // Инженерное мышление: социальные перспективы : материалы Междунар. междисциплинар. конф. Екатеринбург, 12–13 февр. 2020 г. Екатеринбург : Деловая книга, 2020. С. 51–55.
5. *Азаренко С. А., Макаров М. И.* Синергичная антропология как междисциплинарная парадигма. Размышления об онтологии «интерфейса» // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 61–71.
6. *Володарский В.* О земле, мире, хлебе, воле и Учредительномъ собраніи : (доклад чит. на Съезде Румынского фронта и области, значительно испр. и доп.). [Одесса] : Одес. ком. РС.-ДРП. (большевиков), [1918]. 32 с.
7. *Вьюнов Ю. А.* Русский культурный архетип : страноведение России. М. : Флинта, 2005. 478 с.
8. *Гордон А. В.* Иллюзии-реалии якобинизма // Речи. Трактаты / Л. А. Сен-Жюст. СПб. : Наука. С.-Петербург. изд. фирма, 1995. С. 364–391.
9. *Карлейль Т.* Французская революция. История. Ч. 1 / пер. с англ. Ю. В. Дубровина, Е. А. Мельниковой. М. : Мысль, 1991. 575 с.
10. *Котельникова А. С.* Концепт Хлеб в русской языковой картине мира : выпуск. квалиф. работа на соиск. степени магистра лингвистики. СПб., 2016. 100 с.

11. *Кропоткин П. А.* Великая Французская революция, 1789–1793 / прим. А. В. Гордона, Е. В. Старостина ; ст. В. М. Далина, Е. В. Старостина. М. : Наука, 1979. 575 с.
12. *Латур Б.* Об интеробъективности // Социология вещей : сб. ст. / под ред. В. Вахштайна⁵. М. : Территория будущего, 2006. С. 169–198.
13. *Латур Б.* Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. Ирины Полонской. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 381 с.
14. *Ле Руа Ладюри Э.* Монтайю, окситанская деревня (1294–1324) / пер. с французского В. А. Бабинцева, Я. Ю. Старцева. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001. 544 с.
15. *Матъез А.* Французская революция. В 3 т. Т. 1. Л. ; М. : Книга, 1925. 224 с.
16. *Метивье Ю.* Франция в XVI–XVIII вв. от Франциска I до Людовика XV / пер. с фр. А. В. Голубкова, С. В. Панова. М. : АСТ : Астрель, 2005. 190 с.
17. *Моруа А.* История Франции от римского времени до начала Великой Французской революции / пер. с фр. А. Ю. Серебрянниковой. СПб. : Гуманит. акад., 2008. 352 с.
18. *Нефедов С.* Продовольственный кризис в Петрограде накануне Февральской революции // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 3. С. 635–655. <https://doi.org/10.15826/qr.2017.3.242>
19. *Ревуненков В. Г.* Очерки по истории Великой французской революции. Падение монархии 1789–1792. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 240 с.
20. *Ревуненков В. Г.* История Французской революции. СПб. : Изд-во СЗАГС ; Образование-Культура, 2003. 776 с.
21. *Робеспьер М.* Избранные произведения : в 3 т. : [пер. с фр.] / изд. подгот. А. З. Манфред [и др.] ; [сост. и вступ. ст., с. 7–85, А. З. Манфреда] ; [коммент. канд. ист. наук А. Е. Рогинской]. М. : Наука, 1965. Т. 1. 379 с. ; Т. 2. 400 с. (Литературные памятники / Акад. наук СССР)
22. *Сен-Жюст Л. А.* Речи. Трактаты / изд. подгот. А. В. Гордон [и др.] ; отв. ред. А. В. Гордон ; [примеч. А. В. Гордона, Т. А. Черноверской ; Рос. АН]. СПб. : Наука : С.-Петербург. издат. фирма, 1995. 472 с.
23. *Соболева Л. С.* Природные стихии в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 52–70. <https://doi.org/10.15826/qr.2015.2.095>
24. *Черноверская Т. А.* Личность и судьба // Речи. Трактаты / Л. А. Сен-Жюст. СПб. : Наука : С.-Петербург. издат. фирма, 1995. С. 392–411.
25. *Чудинов А. В.* Французская революция = La révolution française : история и мифы. М. : Наука, 2007. 307 с.
26. *Флоренский П. А.* Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии) / сост. и ред. игумен Андроник (Трубачев). М. : Мысль, 2004. 685 с.
27. *Cacérés B.* Si le pain m'était conté... Paris : La Découverte, 1987. 181 p.
28. *Goldstein D.* The Kingdom of Rye: A Brief History of Russian Food. University of California Press ; 1st edition, 2022. 208 p.
29. *Mialet H.* Stephen Hawking Lived Beyond His Body – The Atlantic.pdf // The Atlantic. 2018. URL: <https://www.theatlantic.com/science/archive/2018/03/stephen-hawkings-extended-bodies/555848/> (дата обращения: 30.04.2023).
30. *Smith A. K.* Cabbage and Caviar. A History of Food in Russia. The University of Chicago Press, 2021. 352 p.

References

1. Azarenko S.A. *Topologiya kulturnogo vosпроизводства (na materiale russkoi kul'tury)* [Topology of cultural reproduction (based on Russian culture)]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2000. 220 p. (in Russian)
2. Azarenko S.A. *Topologicheskoe filosofstvovanie i sotsialnaya kommunikatsiya* [Topological philosophizing and social communication]. *Izvestiya Sarat. un-ta Novaya seriya Ser. Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika*, 2016, vol. 16, no. 4, pp. 412–417. (in Russian)
3. Azarenko S.A. *Sotsial'noe vosпроизводство i topologiya predela* [Social reproduction and topology of the limit]. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennye nauki*, 2018, vol. 13, no. 3 (179), pp. 27–37. (in Russian)

⁵ Признан иностранным агентом.

4. Azarenko S.A. K voprosu o yazyke vosproizvodstva inzhenernogo myshleniya [On the Question of the language of reproduction of engineering thinking]. *Inzhenernoe myshlenie: sotsialnye perspektivy* [Engineering Thinking: Social Perspectives]. Proc. of the International interdisciplinary conf., Ekaterinburg, 12-13 february 2020 g. Ekaterinburg, Delovaya kniga Publ., 2020, pp. 51-55. (in Russian)
5. Azarenko S.A., Makarov M.I. Sinergiinaya antropologiya kak mezhdisciplinarnaya paradigma. Razmyshleniya ob ontologii “interfeisa” [The Synergic Anthropology as an interdisciplinary Paradigm. Reflections on the Ontology of an “Interface“]. *Voprosy filosofii*, 2019, no. 2, pp. 61-71. (in Russian)
6. Volodarskii V. *O zemle, mire, hlebe, vole i Uchreditelnom sobranii* [On land, peace, bread, will and the Constituent Assembly]: (Doklad chit. na S’ezde Rumynskago fronta i oblasti, znachitel’no ispr. i dop.). Odessa, : Odesskii kom. RS.-DRP. (bolshevikov), 1918, 32 p. (in Russian)
7. V’yunov Yu.A. *Russkij kulturnyi arketip: stranovedenie Rossii* [Russian cultural archetype : regional studies of Russia]. Moscow, Flinta Publ., 2005. 478 p. (in Russian)
8. Gordon A.V. Illyuzii-realii yakobinizma [Illusions-realities of Jacobinism]. Saint-Just L.A. Speeches. Treatises]. *Saint-Just L.A. Rechi. Traktaty*. St Petersburg, Nauka, 1995. (in Russian)
9. Carlyle T. *Frantsuzskaya revolyutsiya. Istoriya* [The French Revolution: A History]. Transl. by YU.V. Dubrovin, E. A. Melnikova. Part 1. Moscow, Mysl Publ., 1991, 575 p. (in Russian)
10. Kotelnikova A.S. *Kontsept Khleb v russkoi yazykovoii kartine mira* [Concept Bread in the Russian language picture of the world]. St. Petersburg, 2016, 100 p. (in Russian)
11. Kropotkin P.A. *Velikaya Frantsuzskaya revolyutsiya, 1789-1793* [The Great French Revolution, 1789-1793]. Primech. A.V. Gordona, E.V. Starostina; Stat’i V.M. Dalina, E.V. Starostina. Moscow, Nauka Publ., 1979, 575 p. (in Russian)
12. Latour B. Ob interob’ektivnosti [On interobjectivity]. *Sotsiologiya veshchei: sb. st. Ed. V. Vahstain*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006, 390 p. (in Russian)
13. Latour B. *Peresborka sotsialnogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social : An Introduction to Actor-Network Theory]. Transl. by I. Polonskaya. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2014, 381 p. (in Russian)
14. Le Roy Ladurie E. *Montajyu, oksitanskaya derevnya (1294-1324)* [Montajyu, Occitan village (1294-1324)]. Transl. by V.A. Babinceva, YA.YU. Starceva. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2001, 544 p. (in Russian)
15. Mathiez A. *Frantsuzskaya revolyutsiya* [The French Revolution]. Leningrad, Moscow, Kniga Publ., 1925, vol. 1, 224 p. (in Russian)
16. Méthivier Yu. *Frantsiya v XVI–XVIII vv. ot Frantsiska I do Lyudovika XV* [L’Ancien régime en France; 16th–18th siècles]. Transl. by A.V. Golubkova, S.V. Panova. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2005, 190 p. (in Russian)
17. Maurois A. *Istoriya Frantsii ot rimskogo vremeni do nachala Velikoi Frantsuzskoi revolyutsii* [History of France from Roman times to the beginning of the French Revolution]; Transl. by Serebryannikova. St.Petersburg, Gumanitarnaya Akad. Publ., 2008. 352 p. (in Russian)
18. Nefedov S. Prodovolstvennyi krizis v Petrograde nakanune Fevral’skoi revolyutsii [Food Crisis in Petrograd on the Eve of the February Revolution]. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 3, pp. 635-655. <https://doi.org/10.15826/qr.2017.3.242> (in Russian)
19. Revunenkov V.G. *Ocherki po istorii Velikoi frantsuzskoi revolyutsii. Padenie monarhii 1789–1792* [Essays on the history of the Great French Revolution. Fall of the monarchy 1789–1792]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1982, 240 p. (in Russian)
20. Revunenkov V.G. *Istoriya Frantsuzskoi revolyutsii* [History of the French Revolution]. St. Petersburg, SZAGS Publishing House, Obrazovanie-Kultura Publ., 2003, 776 p. (in Russian)
21. Robespierre M. *Izbrannye proizvedeniya* [Robespierre M. Selected works] : In 3 vol. Izd. podgot. A.Z. Manfred et al. Moscow, Nauka Publ., 1965. (in Russian)
22. Saint-Just L.A. *Rechi. Traktaty* [Speeches. Treatises] ; Izd. podgot. A. V. Gordon et al. ; ed. A.V. Gordon. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995, 472 p. (in Russian)
23. Soboleva L.S. Prirodnye stikhii v romane D. N. Mamina-Sibiriyaka “Khleb” [Elements of Nature in D. N. Mamin-Sibiriyak’s Novel BREAD]. *Quaestio Rossica*, 2015, no. 2, pp. 52-70. <https://doi.org/10.15826/qr.2015.2.095> (in Russian)

24. Chernoverskaya T.A. *Lichnost i sudba* [Personality and fate]. Saint-Just L.A. Rechi. Traktaty [Saint-Just L.A. Speeches. Treatises]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995, pp. 392-411 (in Russian)
25. Chudinov A.V. *Frantsuzskaya revolyutsiya* [The French Revolution] La révolution française: istoriya i mify. Moscow, Nauka Publ., 2007, 307 p. (in Russian)
26. Florensky P.A. *Sobranie sochineniy. Filosofiya kulta* (Opyt pravoslavnoy antropoditsei) [Collected works. Philosophy of cult (Experience of Orthodox anthropodicy)]. Comp. & ed. Abbot Andronik (Trubachev). Moscow, Mysl Publ., 2004, 685 p. (in Russian)
27. Cacérés B. *Si le pain m'était conté...* Paris, La Découverte, 1987, 181 p.
28. Goldstein D. *The Kingdom of Rye : A Brief History of Russian Food*. University of California Press, 1st edition, 2022, 208 p. (in Russian)
29. Mialet H. Stephen Hawking Lived Beyond His Body – The Atlantic.pdf. The Atlantic [website]. 2018. Available at: <https://www.theatlantic.com/science/archive/2018/03/stephen-hawkings-extended-bodies/555848/> (mode of access: 30.04.2023).
30. Smith A.K. *Cabbage and Caviar. A History of Food in Russia*. The University of Chicago Press, 2021, 352 p.

Сведения об авторах

Келлер Андрей Викторович

доктор исторических наук, лаборатория
эдиционной археографии
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Российская Федерация, 620002,
г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
e-mail: keller26000@gmail.com
ORCID 0000-0002-9086-1079

Азаренко Сергей Александрович

доктор философских наук, профессор,
кафедра социальной философии
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Российская Федерация, 620002,
г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
e-mail: sergey_azarenko@mail.ru
ORCID 0000-0001-6658-5177

Information about authors

Keller Andrei Viktorovich

Doctor of Sciences (History), Laboratory
of Archeographical Studies
Ural Federal University named the first
President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mir st., Ekaterinburg, 620002,
Russian Federation
e-mail: keller26000@gmail.com
ORCID 0000-0002-9086-1079

Azarenko Sergey Alexandrovich

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Department of Social Philosophy
Ural Federal University named the first
President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mir st., Ekaterinburg, 620002,
Russian Federation
e-mail: sergey_azarenko@mail.ru
ORCID 0000-0001-6658-5177